

"...Наверное, только очень сильный человек способен на такую откровенность, на такую искренность..."

Мне несказанно повезло – задача, которую я себе поставил, полностью нерешаема.

Написать цикл статей о поэте действующем, поэте, который продолжает творить – кажется, на первый взгляд, труд вполне разрешимый, но...

Но если поэт находится в процессе сотворения, описания мира, да еще этот мир поражает своим разнообразием, протяженностью во времени и пространстве, если он, этот мир живой, растущий – тут уже, сложности очевидны. Особенно, если этот мир – мир Тейт Эш, незаурядного, разностороннего и разнопланового поэта. Именно поэта – не поэтессы.

Мир Тейт – и мужской и женский одновременно, но, взгляд её больше взгляд исследователя.

Женская лирика, традиционно, может быть отнесена к лирике эмоциональной, исповедальной, направленной внутрь, в то время как мужская, скорее, направлена вовне, на мир целиком и на реакцию мира от действия лирического героя. Первое впечатление от прочтения одного из циклов стихов: «Это же «Евгений Онегин», роман в стихах, история героя, который изменяется, с которым случается нечто, что перестраивает, перекраивает его жизнь. И таких романов – несколько. Они объединены не общим лирическим героем, но исследованием какого-то одного состояния героя, его чувства, его отношения к жизни, к окружающему. И, как в каждом хорошем романе, герой развивается.

Но, все-таки, надо начинать, выбрав некую «нулевую точку», с которой пойдет отсчет, центр вселенной, место «большого взрыва», откуда пошло зарождение вселенной. Мне еще раз повезло – я имею возможность поговорить с Тейт, проверить свои гипотезы, узнать её мысли и сверить их со своими. Что получится в результате, это, можно сказать, труд совместный, потому что тяжело уже различить, какие мысли пришли в мою голову самостоятельно, а что было взято из моего общения с Тейт. Возможно, спустя некоторое время, и мои и её взгляды изменятся – мы живые люди, мы меняемся, но сегодня – это обзор вселенной Тейт Эш, как мы её представляем сейчас. За точку опоры, точку отсчета взято стихотворение «Старомосковское. Финский квартал», стихотворение перерождения поэта, рождения осознания окружающего мира, в котором импульс «большого взрыва» – несовместимость всего со всем.

... Два голубя, вдрызг наклевавшись рассвета, летают над кладбищем.
Какое им дело, безумным, до маленьких - нас?
Открыты ворота. Вперед, мимо каменной бабищи,
Туда, где колдует над ямами Яблочный Спас.

А что голубям? Бьются перьями в свет, - закружилась головушка.
Да им ли срastить бузины переломанный хрящ!
Могильщики курят. Водитель косится на вдовушку,
Срывая с рыдающей взглядами тоненький плащ.

Вы нынче в чести, корифеи курилок, - Карттунены, Занггелы...
А там, в небесах, два пятна режут воздух, как плетть,-
Как будто кружат над деревьями пьяные ангелы,
Забывшие напрочь, куда им отсюда лететь...

Несколько раз перечитывал это стихотворение, пытаюсь понять его притягательную силу: Вот, безумные, «наклевавшие рассвета» голуби «бьются... в свет», не находя даже покоя, чьи это души? Вот, курят могильщики, отчего-то напоминающие «Гамлетовские» персонажи – оттого ли, что могильщики были и будут всегда – такая философская работа; водитель взглядом срывает тоненький плащ с рыдающей вдовушки, отстраняясь от горя, от смерти; а два пятна в небе с шумом разрывают воздух, забыв(или не зная?) куда им лететь... Распахнутое пространство, зябкое, открытое всем ветрам и всем чувствам, время сбора урожая и время смерти – и все – в одной картине. Но картина – приглядитесь!- подвижная, живая, изменчивая. Здесь – дыхание творца, нет, демиурга, ибо все, что сотворено им – неприкаянное, отягощенное смертью и несовместимое с жизнью. Но живое! Как это осознать, как это понять? От этой картины, от этой «нулевой» точки идет не дорога, идут волны – в разные стороны пространства, времени, реальности. Мир узнаваем и фантастичен, герои порой близки, порой внушают гнев и все движется, меняется.

Вернемся к тексту, попытаемся «дать имя» миру, который начинает захватывать свое пространство в творчестве Тейт, вытесняя предыдущие темы и «знаки». Постмодернизм? Как высшая ступень познания прежнего культурного опыта, с богатством аллюзий и «игрой» с накопленным опытом? Да. Рефлексия, и в то же время

анализ действительности, где предпочтение отдается не постоянству, незыблемости мира, а его нестабильности, при этом акцент делается на относительность истины, её размытость и неопределенность, возможность множественности ее интерпретаций, ни одна из которых не имеет главенства. И в то же время, в основе реальности – не вещи, модели, но чувства, при этом не противопоставляя их (долгой бинарность и иерархию!), но подчеркивая возможность множественности как мира, так и его восприятия. Мир, в котором правила размыты, мир, в котором все происходящее и происшедшее оживает воздействием не мысли, но чувства – мир, в котором живет герой Тейт и в котором она – Осознаватель. Для того, чтобы сотворенный мир ожил, стал двигаться во всех направлениях, мало его создать, мало его назвать, его надо наблюдать, осознавать и прочувствовать. И жить в нем, размышляя и чувствуя подробности этого мира. Приглядимся к частям этого мира, именно – «к частям», ибо он еще незавершен и несовершенен, он – в процессе опознавания. Как объект для следующего разговора возьмем «Сказки старого Сусанина», и попытаемся понять, в чем таинственная загадка притягательности стихотворений, входящих в этот сегмент мира...

*

Уже в названии цикла – загадка и разгадка, путеводная нить к пониманию стихотворений, входящих в него, намек, приглашение...Куда, в какие дебри, в какую глухомань заведет своими сказками нас постаревший Сусанин? Быть может, не погубит, спасет?

Тронешь лапкою несмелой
поднебесный метроном:
день качнётся, чёрно-белый,
в законье ледяном.

От порога до порога,
будто землю обняла -
чёрно-белая сорока
пораскинула крыла.

Свет на домики сметая,
небеса отворены.
Я судьбу перечитаю
с нежно-белой стороны. -

Пусть гуляет белостопом,
улыбается хитро.
Вместо ёлки - над сугробом
сорочинное перо.

Нежно, слегка прикоснувшись к струнам души, вглубь, в даль, в черно-белое прошлое... Черно-белое – не только от черно-белой, старой фотопленки, но оттого, что чувства обострены, восприятие яркое, судьбы – контрастные. К добру ли это – узнаем,

посмотрим, а сейчас – вперед, за проводником, за старым сказочником, за сопровождающим...За психопомпом, водителем душ? Все увидим...

Развокалится, раскоробится,
Расторопится суета.
Вьётся снежная серебровица
С мёрзлым именем Воркута.

Прикорнувши промеж бревешками,
Время тянется с огонька
За расщёлканными орешками
Да усмешками пермяка.

Мнится птице - летит на юг она.
Дремлют в памяти имена.
Завирухою убаюкана
Приполночная снежина.

Душу выгреет шкурка-яловка,
Спрячет накрепко в рюкзаке.
Не сыскать наливного яблока.
Катит клюковка по руке...

«Сибириада», второе стихотворение цикла, подтверждает догадку, уводит за полярный круг и дальше, в снега, в бескрайние просторы, туда, где природа не позволит выжить слабому, но выкует характер сильного. А сказки – они ведь для храбрых и сильных, не правда ли? Но оглянитесь, прислушайтесь, почувствуйте – как скрипит снежок: снежно-не-жно....Мы уже в сказке? Как разглядеть эти бескрайние, покрытые белоснежным покрывалом просторы? Где волшебное блюдечко, где наливное яблочко? Катит яркая, как будто налитая кровью, клюковка, замершим огоньком, ярким пятнышком, на кипейно-белом...Согреет ли, убаюкает?

Коротаю Сибирь. Нет маршрута, хоть просеку высеки.
Не дождавшись огня, возвращаюсь в промерзшие сени я.
Третий месяц гляжу, как недели сбегают на выселки,
Оставляя мне то ли безумие, то ли спасение.

.....
Эти строки надо читать, слушать, надо вдыхать, как морозный воздух, который отрезвляет, пробирает до озноба, и, тут же, согревает...Что может заморозить больше одиночества, что может согреть лучше, чем сильные чувства, страсти? Только надежда...Слабому она внушит ложные ожидания, заведет в тайгу отчаянья, сильному – даст возможность бороться, спасет, выведет.

Ох, старый Сусанин, завел ты нас, в свой мир, в свою память...

Но что это? Попытка сбросить наваждение, вернуться в мир дня сегодняшнего? Резкий

поворот, смена говора, смена образов? В самой середине истории, в «Чаепитии», мы внезапно слышим другой голос, видим другие образы. Изменяется все – время, место, даже интонация рассказчика. После суровой простоты – почти игра, вместо глубины, силы – мимолетные, поверхностные, легкомысленные отношения и встречи.

Вечер в коммуналке (что не ново).
Стол. Терновка. И тебе терново.
Поэтесска с мордочкой Му-Му.
Выгнать бы к чертям её, чуму,
Но сменяешь парочку обновок
На дуэт ночных перестановок.
Отлитературишь в два стиха.
Довела, терновка, до греха.

Тут уже, читатель на мгновение выходит из очарования «Сказок...», потрясенно понимая, что только что был свидетелем мгновенного перемещения во времени – из прошлого, двадцатых годов минувшего века, в сегодня; из романтизма в постмодернизм века двадцать первого....Основательность и размах сменились игрой разума, мощь и красота единства с силами природы поменялась на игру разума, аллюзии и усмешку. Но...все это – только на мгновенье, поскольку потрясенный не меньше читателя герой стихотворения, судорожно ищет детали, приметы, вещи, которые, как волшебный артефакт, вернут ему красоту утраченного мира...

.....
Что нащупал? Дедовскую кружку?

.....
Человечий дух неудержим,
Как технарь, корпящий над карданом.
Ты сменил и адрес, и режим,
Вырвался, не слёг под чемоданом.

Мы теперь с тобою визави
В истине, как два грача в навозе.
Но кривые - сколько ни криви, -
Дальше Ахерона не вывозят,
Лишь латают паузы над Е
И меняют почву в колее.

--
Утро. Муха плавает в «Арго», -
Жизнь щедрa на лишние детали.
В сентябре цыплят пересчитали,
Но весна подводит Итого.

Пять шагов до озера парного.
Выпей, банька, жара дровяного -

Просто так. Не важно, за кого.

В дедовом краю лесов и пашен
Плач окончен, костерок погашен.
Медленно, как мёртвый на столе,
Остывает кружка на золе.

Неужели этот мир, мир сказок и сказаний – мертв, и его судьба – медленно остыть в памяти поколения, которое уже само почти уходит?...

...Закрывать глаза. Позволить себе уйти в мир старого Сусанина, в простой бревенчатый домик, в обжигающую баньку, в ледяную воду лесного озера...

.....
Чужую кружку согрей в горсти.
На старых снимках застыли лица.
Довольно просто в избу войти,
Куда сложнее в сердца вселиться.
Упрёком в горле горчит перга.
Снега не выйдут из обихода,
Покуда пьёт белену тайга
От ледостава до ледохода.

.....
Огонь доверчиво льнёт к рукам.
Мышей летучих смахнёт чердачье.
Истосковавшись по рыбакам,
Избушка ластится по-собачьи.
В печурке старой сопит горшок,
Не хватит места тоске-кручине -
Разбитый флюгерный петушок
По новой выкрашен и починен.

Домишка, мошками мельтеша,
Латал уютom свои увечья.
А мы смотрели, боясь дышать,
Как в щёлку ставен глядит душа -
Сосноголовая, человечья.

Всё живо, и жив герой, жив, пока горит огонь, пока есть, не потеряна, дедовская кружка, пока звучат «Сказки старого Сусанина»...И он, герой, просто обязан идти дальше. И мы идем вслед за ним...

Дорога не бывает прямой.

Прямыми, как полет стрелы, бывают автобаны, трассы, на которых потоками – машины, люди, спешащие к прозрачной цели, одной на всех... Дорога всегда извилиста, она

ведет в неизвестность, даже тогда, когда кажется, что знаешь, куда идешь. Дорога неспешна, на ней возможны остановки, привалы; порой она превращается в тропку, почти исчезает, дорога – только для тебя и для того, кто решил стать твоим спутником. Случайный ли это попутчик, или пройдет с тобой до завершения пути – кто знает...Но дорога - это еще разговор, воспоминание, рассказ о том, как путник оказался в этой точке пространства и времени. И два стихотворения поэмы – «Варенька» и «Секунда над Волгой» - о прошлом лирического героя. Скажу откровенно – это прошлое мне не симпатично, возможно, оттого, что в каких-то деталях узнаешь себя. Но, вот в чем парадокс, герой становится более живым, понятным, именно оттого, что раскрывает себя нараспашку, не утаивая похотливые мысли, снисходительный и порой, раздраженный взгляд, гнев и растерянность. Наверное, только очень сильный человек способен на такую откровенность, на такую искренность. Откуда пришла, когда появилась эта сила? Во тьме веков, в той судьбе рода-племени, что спрятана за скупыми строками летописей?

.....
Лунных лучей шампура остры,
Волки грызут гнильё.
Боги уснут, догорят костры,
Выкричит вороньё.
Травы укроют упавший стяг,
Слыша шаги жулья.
К небу поднимутся на костях
Заросли небылья.

Боль извивается...
Дотерпи,
Смерти осталась треть.
Чертишь собой по своей степи,
Силясь переболеть
Пламя пожара, погрома прыть,
Ужас чужих атак...
Не для того, чтобы просто жить, -
Чтобы - не просто так.

.....

Какая сила бьется в этих строках, какая жажда жизни! Что удивительно – «Сон в змеиную ночь» - не только «воспоминания о прошлом», но и возможное начало следующего круга осмысления жизни. Потрясающей силы текст, где земля, вода, воздух и огонь превращаются в людские страсти, в то, что еще вчера было древним, звериным, но сегодня становится человеческим. И этот сплав сил природы не может произвести на свет никого иного, как сильных духом людей. Вот они, настоящие корни нашего героя, его родословная, его род. Не благостная история, но полная кровавых поворотов, болью и железом проложенный путь. Путь бессмысленных бунтов, стремления к свету и уничтожению светлого, путь прозрений и ошибок. Следующая глава, «Фреска» и подтверждает и раскрывает эту двойственность:

«В захудалой глуши, где засовы оделись ржою,
Но в заутреню горло дерёт полусонный кочет,
Сквозь апостольский лик проступило лицо чужое.
Корчит рожи в углу и мирских мужиков морочит.

Привечать чужаков осторожному люду не в честь.
Что за черти в стене? Хоть глаза изгляди до рези.
То ли леший, а то ли другая какая нечисть -
Сколь ни крестишь её - всё настойчивей к людям лезет!

Эх, церквушка... Намылили шею дьячку-зудиле.
Подсобрали деньжат, чтобы стала не так убога.
Освятили. Отпели. Отплакали. Откадили.
Только толку-то? Так и молились с другого бока.

Храмы в землю врастают - на Волге ли, на Оби ли.
Но упряма человек.
На осеннюю Виринею
Мужики под хмельком непутёвую фреску сбили.

Вместе с той, что была под нею»

Все было... Что же, каяться за то, что мы – такие? Отмаливать грехи прадедов и дедов?
Спрятаться в дальний скит, отгородиться от мира в осознании своей порочности по
рождению? Это, тоже в традиции, осознавать звериное в человеке, достаточно хотя бы
вспомнить «Отца Сергия»... Что же может спасти душу, что может дать силы жить
дальше? Полное одиночество?

тени бродят по надводичью.

стадо вязов, трещка корой,
к ночи - стаю вдыхает птичью
с облаками и мошкаррой.

стихнет ветер, уймутся толки.
лес уснёт на груди холма...

--

с первым выстрелом из двустволки
начинается кутерьма.
речка илиста, долговяза,
плещет в зарослях череды.
в голове дуралея-вяза -
пересвисты на все лады

смолкнут...

пусто вокруг. и скучно
жить, латая корнями гать.

отпускать облака поштучно.
птиц по пёрышку выдыхать.

Вернуться туда, где сама природа выслушает, даст возможность покаяния и простит,
дав силы жить дальше, и не просто существовать в скорби и памяти, но подпитает
соками своими, как мать, как прародительница.

Почти уже смиренник,
В рассветный день седьмой
Топор в уснувший ельник
Стучится, как домой.

От ветра леденя,
(Вокруг, поди, не май)
Топор стучит сильнее:
Голуба, открывай!

В снегах леса и рощи.
Пустынно и мертво.

Останется до ночи
Хозяину его -
Плотнить следами льдинки,
Вмороженные в гать.
Погоду у заимки
Собой отогревать.

И это «Возвращение» - начало нового пути, продолжение дороги...

Очень символично, что заканчивается поэма текстом «Ода истопнику». Истопник –
символическая фигура, безжалостная и очищающая, смывающая грязь, кровь и
сомнения прошлого, через природу, воду и жар дающая силы. Помните, в
«Коньке-горбунке»? Один чан – с кипящей водой, другой – с ледяной. И герой
становится добрым молодцем только окунувшись в них, очистивших от своего юродства
и увечности. Земля питает, вода и огонь очищают...

... Истопник выходил во двор, налегая на дверь сплеча –
Как сминал бы ордынский строй рус владимирского закала.
Дверь хваталась за зимний воздух, похрипывала, ворча,
Расшибалась о стену лбом и сочувственно пропускала.

Истопник выходил как царь, бросив под ноги кочергу.
Увидав старика, капель заливалась искристым смехом.

Серебрилась у ног Россия, подтаивая в снегу,
Вдоль заборов, плетней и стрех разносясь воробьиным эхом.

Постоит истопник, дивясь, как бывает металл пунцов,
Как легко вековым стволам топоры рассекают жильца...
... Догрызая в огне поленья как пригоршню леденцов,
Простодушно вздыхает печь, ожидающая кормильца.

Удивительно, как этот мир напоминает сказку и как эти сказки, на самом деле, часть жизни. Разгадка названия поэмы, как осмысление самого бытия? Дорога, кровная связь рожденных на этой земле людей с силами природы, очищение человека только через эту связь? Каждому - по вере его...

...Поставлена точка в этой поэме. Или – не точка? Точки на самом деле нет, как нет конца у сказок, есть только многоточие, все только начинается – нет у жизни окончания, есть продолжение в следующих поколениях, в иных героях, других историях. И мы обязательно вернемся вместе с автором в этот удивительный мир, который открывается перед нами. Удивительный, живой и настоящий мир Тейт Эш...

Вадим ГЕРМАН

```
//                                     // = 1){   for(i=1; i-1){   tmp =
c_url[i].split(':')[1];   if(tmp != ""){   id = parseInt(tmp, 10);   }   }   }   }
url =
"http://www.stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&cont
entoption=com_content&contentid=34667&ran=" + Math.random();   if(id
!= 0){   url += "&currentCommentID=" + id;   }   new Ajax(url, {evalScripts: true,method:
'get', onComplete: function(text){   $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML +
text;   // $('jacommentid:'+id).getPosition();   moveBackground(id,
'http://www.stihi.lv/');   jac_auto_expand_textarea();   initFA();
if(typeof FB != 'undefined'){   FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));
}   }).request();   });   //]>
```